

УДК 329.11(410+73)

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР И АМЕРИКАНСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ***П. Ю. Рахимир***Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
modhist@yandex.ru

Выявляются генетические особенности тэтчеризма в контексте национальных типов современного консерватизма. Обращение к теоретическим основаниям и практическим граням тэтчеризма позволяет автору не только вписать правление Маргарет Тэтчер в историю британского консерватизма и шире в неоконсервативную волну 1970–1980-х гг., но и проследить место наследия «железной леди» в политике современных британских и американских консерваторов.

Ключевые слова: М. Тэтчер, тэтчеризм, британский консерватизм, Консервативная партия Великобритании, американский консерватизм.

Маргарет Тэтчер оставила глубокий след в истории не только своей страны, но и всего остального мира. Вместе с Рональдом Рейганом она относится к демиургам того перелома, который произошел в мире на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века. Имена не многих политических деятелей послужили основой для названия явления в истории. Причем «тэтчеризм» насыщен серьезным социально-политическим и историческим содержанием.

Естественно, личность бывшего британского премьер-министра и ее деятельность привлекали внимание многих исследователей. «Тэтчерiana» велика и интернациональна. Свой вклад внесли в нее и отечественные ученые. Прежде всего следует назвать монографию известного российского англоведа С. П. Перегудова, в которой удачно сочетается анализ социально-экономических, политических аспектов тэтчеризма с исследованием ее личностной стороны [Перегудов, 1996]. Выразительный портрет М. Тэтчер можно найти в посвященной ей книге ученого и дипломата В. И. Попова [Попов, 1993]. Роль тэтчеризма в модернизации партийно-политической системы Великобритании раскрывается в монографии видного российского англоведа А. А. Громыко [Громыко, 2007].

Следует отметить, что М. Тэтчер в политической жизни была мощным фактором поляризации, отношение к ней измерялось по шкале от преклонения до ненависти. Это не могло не отразиться и в историографии, хотя не столь резко. Правда, на русский язык были переведены книги авторов, относившихся к ней благосклонно. Это сравнительно давняя книга британца К. Огдена [Огден, 1992] и гораздо более современная – француза Ж.-Л. Тьеро, изданная в серии «Жизнь замечательных людей» [Тьеро, 2010].

Несмотря на высокую степень изученности темы «Тэтчер и тэтчеризм», обращение к ней вполне оправданно в контексте эволюции британского и, даже шире, англо-саксонского консерватизма. Дело не столько в том, что этому не уделялось должного внимания, сколько в том, что в XXI в. высвечиваются новые существенные грани этой проблематики, которые нуждаются в современно-историческом осмыслении. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о генетических особенностях тэтчеризма.

Политический марафон Маргарет Робертс, будущей баронессы Тэтчер, начался еще в ее студенческие годы: в 1946 г. она становится президентом университетской ассоциации консерваторов в Оксфорде. Через 13 лет она избирается в парламент Великобритании. Затем ее назначают на второстепенные посты в теневых кабинетах и правительствах Г. Макмиллана и Э. Хита. Для нее были характерны работоспособность, деловая хватка, ответственность. Она представляла собой настоящую *self-made woman* скромного происхождения, без связей. Своим продвижением она была обязана исключительно себе самой. Но с той ступеньки, на которую она поднялась к началу 70-х гг. прошлого века, до Даунинг Стрит, 10 дистанция выглядела практически непреодолимой.

«Если бы не глубокий кризис консерватизма, политический и правительственный, она не смогла бы подойти так близко к стартовой площадке», – отметил один из ее ближайших советников, А. Шерман, имея в виду ее избрание лидером партии в 1975 г. «Без подобного же кризиса лейбористской партии, – продолжал он, – ей бы не удалось выиграть выборы и заручиться своим парламентским большинством» [Scherman, 2005, p. 29].

Действительно, в середине 1970-х гг. Британия оказалась в тисках жестокого кризиса: политического, социально-экономического, морального. Нельзя сказать, что консервативные политики и прежде всего лидер партии Э. Хит не видели выхода из кризисного тупика. У Хита была Селсдонская программа, которая во многом предвосхищала тэтчеризм, и Тэтчер в качестве министра образования являлась ее убежденной сторонницей. Однако для реализации этой программы требовались политическая воля и мужество. Необходимо было решиться на схватку с профсоюзами, пойти на риск, чреватый угрозой нового поражения и непопулярности. Дух времени рельефно отразился, например, в высказывании комментатора из «Санди Таймс» от 24 октября 1974 г. Консервативная партия, по его словам, «должна реагировать, даже рискуя тем, что ее назовут реакционной... Ей нужны политики, обладающие силой убеждения и ясными идеями, предельно преданные исторической миссии консерватизма» [Kavanagh, 1987, p. 73].

Однако избрание лидером консерваторов М. Тэтчер вряд ли можно расценивать как сознательный ответ на вызов времени. Скорее это было следствием растерянности торийского руководства. И для своих коллег, не говоря уже о зарубежных аналитиках, Тэтчер еще оставалась загадкой. Анекдотически выглядит, в частности, не так давно ставшая достоянием гласности характеристика, направленная после ее избрания лидером американским дипломатом в госдепартамент. Будущую «железную леди» американец характеризует как «домохозяйку из предместья». На его взгляд, у нее нет шансов прийти к власти. Ей противопоставляется «блестящий молодой технократ» Жак Ширак в качестве возможного друга Америки. Этот документ 1975 г. весьма позабавил в 2007 г. Тэтчер и ее друзей [Us Dismissed..., 2007].

Гораздо пронизательнее оказался Р. Рейган. После первой же встречи с недавно избранной лидером консервативной партии Тэтчер будущий президент США сразу почувствовал в ней родственную душу и оценил ее потенциал. На вопрос о том, какое впечатление она произвела на него, он ответил: «Я думаю, она будет великолепным премьер-министром» [Reagan, 1990, p. 204].

С самых первых шагов на пути к власти Тэтчер пришлось нелегко. Большинство теневого кабинета, подчеркивал Шерман, придерживалось «взглядов, диаметрально противоположных ее» [Scherman, 2005, p. 81]. В первом правительстве Тэтчер (1979–1983 гг.), утверждал он, «большинство состояло из ее решительных оппонентов, которые еще надеялись, что она провалится и будет заменена одним из них» [Ibid., p. 103].

«Усилия м-с Тэтчер “тэтчеризировать” консервативную партию никогда не имели серьезных шансов на успех. Она оставалась чужеродным телом и не воспитала преемника, кому могла бы передать бразды правления» [Ibid., p. 154], – таков пессимистический вывод Шермана по поводу взаимоотношений «железной леди» и ее партии. И действительно она в большей мере изменила страну, чем собственную партию. С эмоциональной оценкой советника Тэтчер совпадает по сути бесстрастное суждение видного германского социолога. «Тэтчеризм не был идентичен традиционной консервативной партии», – считал Р. Дарендорф, который одно время возглавлял Лондонскую школу экономики [Dahrendorf, 1988, p. 193].

При объяснении противоречий между Тэтчер и истеблишментом консервативной партии упор обычно делается на ее политический стиль, жесткий, решительный, на грани, а порой и за гранью, риска. Многие из ведущих тори явно тяготились ею. Они, как объяснял Шерман, «опасались ее авантюризма и воинственности» [Scherman, 2005, p. 128].

Но, пожалуй, лучше всего дать слово самой Тэтчер. В своих мемуарах, посвященных годам пребывания на Даунинг Стрит, она пишет, что отличалась от традиционных консервативных премьер-министров по происхождению и опыту, а потому «меньше опасалась риска изменений» [Thatcher, 1993, p. 10]. В другом томе мемуаров, «Путь к власти», Тэтчер ссылается на свою статью (по ее собственным словам, политико-философского характера), опубликованную в «Дейли Телеграф» вскоре после избрания лидером партии. Лейтмотив этой статьи – идеологическое столкновение противостоящих партий является сущностью эффективного функционирования демократии. Стремление же к консенсусу «фундаментально подрывает выбор народа». «Обманчивая привлекательность консенсуса, – продолжает свою мысль Тэтчер – была темой, к которой я возвращалась вновь и вновь, будучи лидером оппозиции и премьер-министром» [Thatcher, 1995, p. 149–150]. «Некоторые консерваторы, – замечает она в этой связи, – готовы были примириться с социальной аргументацией левых, а как раз перед тем как я стала лидером, они примирились с их экономическими аргументами, что на практике весьма приблизило нас к социалистам» [Ibid., p. 625–626].

«Я же не могла бы принять это», – подчеркивала свою непримиримость «железная леди».

Присущий Тэтчер политический стиль наглядно проявлялся в ее политической практике и в качестве лидера оппозиции, и особенно в качестве премьер-министра. Но вызовы, с которыми она столкнулась, возглавив консервативную партию, вдохновляли ее. После тридцати лет «социалистического эксперимента, который провалился, британцы ждали перемен». Она чувствовала, что наступило время действовать. Ей вспомнились слова знаменитого премьер-министра У. Питта: «Я знаю, что только я, а никто другой, могу спасти эту страну». Однако Тэтчер признает, что с ее стороны было бы слишком претенциозно сравнивать себя с Питтом. Тем не менее она утверждает, что «ее вдохновляло подобное внутреннее убеждение» [Thatcher, 1993, p. 10].

Выступая с речью по поводу 83-летия ближайшего друга и соратника Р. Рейгана, Тэтчер говорила, обращаясь к нему: «Вы были не только великим коммуникатором, даже величайшим... Вы несли месседж... Со времен Линкольна не было президента, который бы так понимал силу слов, чтобы возвышать и вдохновлять» [Thatcher, 1994]. Носительницей «месседжа» ощущала себя и М. Тэтчер. Характерно, что А. Шерман называл ее «энтузиасткой» [Scherman, 2005, p. 41].

В той же адресованной Рейгану речи она провозглашала: «Лидерство – это нечто большее, чем бюджеты и балансы... Оно предполагает моральную цель» [Thatcher, 1994]. Заслуживает внимания речь, произнесенная ею на открытии нового крыла архивного центра ее кумира У. Черчилля. Тэтчер предостерегала от политиков и историков, «которые воображают, будто знание фактов и доступ к прошлому опыту одни могут дать ответы на большинство важных вопросов» [Thatcher, 2002a]. «Убеждения, обретенные вне политики, – продолжала она, – также потребуются для того, чтобы принимать политические решения. Наши принципы и инстинкты должны быть надежным якорем, не дающим опрокинуться от повседневных политических штормов». По ее мнению, такой подход более характерен для лидерства, чем «просвещенный прагматизм» [Ibid.]. Этим «Жанна д'Арк из Грантема» отличалась от традиционных торийских политиков. «По контрасту с Гарольдом Макмилланом, который полагал, что за моральным лидерством людям надо обращаться к епископам, – писал Д. Кавенах, – Тэтчер считает, что выражать фундаментальные принципы – часть обязанностей лидера» [Kavanagh, 1987, p. 9].

Интересно, что, размышляя над уроками «тэтчеровской интерлюдии», Шерман все же задается вопросом: «Не была ли она последней предсмертной вспышкой торийского радикализма?» [Scherman, 2005, p. 157]. Правда, с учетом содержания его книги вопрос звучит риторически. Слишком очевидна разница между тэтчеризмом и традиционным торизмом. К тому же в последние десятилетия XX в. торизм превращается в уходящую натуру. Своеобразной эпитафией ему можно считать книгу известного журналиста Д. Уиткрофта «Странная смерть торийской Англии». Ее название навеяно знаменитой книгой Дж. Данджерфилда «Странная смерть либеральной Англии», появившейся на 70 лет раньше, в 1935 г. Но в данном случае прилагательное «странная» звучит не убедительно, скорее можно было говорить о смерти естественной. Сам Уиткрофт пишет, что торизм исчезает вместе с макмиллановским «старым правящим классом» [Wheatcroft, 2005, p. 232, 272]. Символично, по мнению автора, что уход торийских джентльменов совпадает с истерией по поводу гибели «народной принцессы» Дианы и с запрещением охоты на лис.

Тэтчеризм не смог заполнить вакуум. Консервативная партия, на взгляд Шермана, «страдает от кризиса идентичности, посттэтчеристской аномии» [Scherman, 2005, p. 157]. У консерваторов не оказалось достойной альтернативы Т. Блэру, который умело воспользовался наследием Тэтчер.

Стремление консерваторов «отвернуться от тэтчеровской интерлюдии», предостерегал Шерман, «лишает их возможности извлечь должные уроки» [Ibid., p. 158]. Поэтому они не в состоянии противопоставить соперникам альтернативную политическую философию, Тэтчер была готова это сделать, «однако ей помешали». «От нее, – с упреком писал Шерман, – слишком много требовали и ей слишком мало помогали: материально, интеллектуально и политически» [Ibid.].

В ходе анализа тэтчеризма Шерман затрагивает принципиальную, можно сказать, типологическую его черту: «От своих коллег и оппонентов она отличалась субстанциально, вынуждая вспомнить о веке Пия и Гладстона, веке миссионерского энтузиазма, пуританском обществе малых городов, о воинствующей церкви» [Ibid., p. 152]. Шерман по праву придает самое серьезное значение тому, что даже в годы пребывания на Даунинг стрит, 10 «Тэтчер никогда не теряла связи со своими корнями в Грантеме» [Ibid., p. 156].

Лучшими источниками для понимания консерватизма тэтчеровского образца являются ее политическая практика, а также взгляды, отраженные в речах и публикациях, особенно в двух объемистых томах мемуаров. Она принадлежит к редкому типу политиков, у которых между делами и словами высокий уровень гармонии. Это органично сочетается с ее стилем лидерства. По данным опросов службы Гэллапа за 1986 г. 94% опрошенных считали ее сильной личностью, 88% полагают: «она говорит то, что думает». И это при том, что 51% оценивал ее идеи как деструктивные, 74% склонны были обвинять ее в том, что она разделяет страну. И по прочим пунктам к ней было выражено негативное отношение [Kavanagh, 1987, p. 273].

У себя на родине она не была так популярна, как Рейган в Америке. Тем не менее она вызвала уважение даже у тех, кто не соглашался с ее правительственным курсом. Уже тот факт, что возникло понятие «тэтчеризм», отражает, насколько сильно политика Тэтчер была пронизана духом ее личности. О том, как формировалась личность будущего премьер-министра, написано немало, но лучше всего довериться самой Тэтчер.

«Я выросла в семье ни бедной, ни богатой», – так она подчеркивала свое среднелассовое происхождение [Thatcher, 1993, p. 10]. Семья ее была в высшей степени религиозной: «Мои отец и мать были твердыми методистами», отец был востребован как проповедник в самом Грантеме и его окрестностях [Thatcher, 1995, p. 5]. «Методизм послужил мне якорем стабильности», – пишет она далее [Ibid., p. 39]. Отец Маргарет Альфред Робертс был олддерменом, а затем и мэром их родного городка.

Она не преминула отметить, что Грантем был основан еще при саксах. Своего отца будущая «железная леди» охарактеризовала следующим образом: «Его политические взгляды можно оценить как “старомодные” либеральные... Он был почитателем книги Джона Стюарта Милля “О свободе”. Однако я не помню его не кем иным, как твердым консерватором» [Ibid., p. 21]. Попутно она замечает, что в доме Робертсов регулярно читали «Дейли Телеграф». По словам Тэтчер, ее семья была весьма политизированной. Сама юная Маргарет во время парламентских выборов помогала консервативному кандидату. Как признает Тэтчер, политика у нее в крови [Ibid., p. 85]. «Всецелополитическое животное», – называл ее А. Шерман [Scherman, 2005, p. 28]. «Я всегда была очарована политикой», – признавалась Тэтчер в речи «Принципы тэтчеризма», произнесенной в Южной Корее вскоре после того, как ей пришлось покинуть Даунинг Стрит [Thatcher, 1992].

Очарование политикой сочеталось у Маргарет с привычкой к упорному труду, бережливости и ответственности. Строгая трудовая этика являлась характерной чертой жителей Грантема. «В моей семье, – пишет Тэтчер, – мы никогда не бездельничали – частично потому, что безделье являлось грехом, частично потому, что всегда находилось много работы, и частично потому, что мы были людьми такого сорта» [Thatcher, 1995, p. 11]. Это было присуще не только семье Робертс: «Дух уверенности в своих силах был очень силен даже у беднейшего люда небольших городов Мидленда» [Ibid., p. 23–24]. Именно этот дух в самом резком и последовательном проявлении материализовался в будущей «железной леди».

«В силу инстинкта и воспитания, – пишет Тэтчер, – я всегда была “истинным консерватором”» [Ibid., p. 28]. О том, какой смысл она вкладывала в свой консерватизм, можно судить частично по тому, как она характеризовала своего друга студенческих лет Э. Бойла: «он был классическим либералом, чьи взгляды хорошо гармонировали с моим собственным среднелассовым консерватизмом» [Ibid., p. 42].

Эти слова Тэтчер представляют огромный интерес с точки зрения генезиса современного консерватизма. Фактически речь идет о том, что классический либерализм трансформировался в консерватизм, во всяком случае в консерватизм экономический. Его суть Маргарет Робертс усвоила первоначально от своего отца, державшего лавку: «Прежде чем прочесть хотя бы строчку из книг великих либеральных экономистов, я узнала из счетов своего отца, что свободный рынок был подобен обширной чувствительной нервной системе, реагирующей на события и сигналы со всего мира, чтобы удовлетворять постоянно меняющиеся потребности людей различных стран, классов, религий» [Thatcher, 1993, p. 11]. Так изначально формировались ее экономические воззрения.

Она была подготовлена к встрече со знаменитой книгой Ф. Хайека «Дорога к рабству», правда, признавала, что не сразу постигла глубину заложенных в ней мыслей. В середине 1970-х она по рекомендации своего гуру Кейта Джозефа вновь обратилась к Хайеку и «действительно пришла к постижению выдвинутых в ней идей» [Thatcher, 1995, p. 50]. Ф. Хайек и М. Фридмен, по словам

Шермана, были теми интеллектуалами, чьи идеи «более всего послужили подкреплением принципов, которых она придерживалась инстинктивно» [Scherman, 2005, p. 25]. Если классический экономический либерализм Тэтчер был родом из Грантема, можно сказать, домашнего происхождения, то его теоретическим осмыслением она обязана прежде всего Хайеку.

Его идеи оплодотворили консерватизм, терявший позиции и идентичность под напором кейнсианского консенсуса. Европейские консерваторы «социал-демократизировались», принимали в том или ином масштабе государственное вмешательство в экономику и социальную политику. Особенно это было характерно для Великобритании, где формулой подобной политики стал «батскеллизм». «Традиционный экономический либерализм, который составлял столь важную часть моего политического макияжа и который был принят самим Эдмундом Берком, часто был чужд консерваторам более высокого социального происхождения», – пишет М. Тэтчер, имея в виду прежде всего Г. Макмиллана [Thatcher, 1995, p. 50].

Хотел того Хайек, отказывавшийся признавать себя консерватором, или нет, но возрожденный им классический либерализм стал ассоциироваться с наиболее последовательным и даже агрессивным консерватизмом. Его идеи сыграли существенную роль в «консервативной революции» 1980-х гг., сопряженной с именами Р. Рейгана и М. Тэтчер.

Эти имена часто упоминаются в связке. Их носители были не просто союзниками. Кроме общих интересов их связывали общие ценности и идеи. Если говорить об исторической специфике тэтчеризма, то она определяется в значительной мере тем, что тэтчеровский консерватизм имел больше общего с американским консерватизмом, чем с отечественными тори.

М. Тэтчер роднит с американскими братьями склонность к популизму. Для нее, по словам Д. Уиткрофта, было характерно «обращаться к простым людям через головы интеллектуалов». Что же касается интеллектуальной и культурной элит, то после третьего электорального успеха «железной леди» их ненависть к ней «приобрела патологическую и параноидальную окраску» [Wheatcroft, 2005, p. 161]. Подобным отношением окрашен и недавний фильм о ней. Оно, видимо, усугублялось еще тем, что практика тэтчеризма посрамила прогнозы ученых мужей. Самым ярким примером того является эпизод с письмом 364 ведущих британских экономистов, которые в 1981 г. пророчили провал экономической политике премьер-министра.

Д. Уиткрофт ссылается на дружественного Маргарет Тэтчер историка Р. Сэмюэля, который обращал внимание на то обстоятельство, что, несмотря на восхищение Черчиллем, «ей не было свойственно ощущение традиций британского правящего класса». Она руководствовалась собственной версией викторианских ценностей, обращенной «к плебейским добродетелям, что означало полагаться на свои собственные силы, а не патрицианской, предполагавшей рыцарство и noblesse oblige». Более того, «для нее характерно презрение к патернализму» [Ibid., p. 164]. Уже сам Уиткрофт говорит о «классовой войне» М. Тэтчер против «патрицианских мокрых» тори [Ibid., p. 178].

Популизм Тэтчер был совершенно естественным, во многом обусловленным ее происхождением. Как отмечал Шерман, «она обладала способностью устанавливать контакт с людьми и понимать их, что нечасто встречалось среди консервативных политиков с их поверхностной снисходительной благожелательностью» [Scherman, 2005, p. 26–27].

От тэтчеровского популизма неотделима и трудовая этика, впитанная Маргарет с детских лет в Грантеме. Она же придает тэтчеризму традиционалистский характер. Источником ее традиционно являются религиозные и викторианские ценности, вполне сочетавшиеся с популизмом. Интересно отметить, что Тэтчер пишет по этой проблематике, привлекая книги американских консервативных авторов: М. Новака, Г. Химмельфарба, Ч. Мюррея и др.

Ключевой принцип трудовой этики: «Добродетель должна вознаграждаться». Одни деньги сами по себе не лечат бедность, – полагает М. Тэтчер, приводя суждение М. Новака. По его словам, с которыми Тэтчер полностью согласна, необходим «национальный этос, который должен поощрять уверенность в своих силах и ответственность» [Thatcher, 1995, p. 539]. Между тем рост зависимости от велфэра поощряет антисоциальное поведение. То, что происходило в Британии до 1979 г., Тэтчер назвала «периодом субсидируемой праздности» [Ibid., p. 545]. В результате, констатирует она, «мы попадаем в ловушку рассмотрения бедности... как “проблемы”, созданной экономической политикой, которая могла бы быть “решена” различными простыми методами перераспределения богатства и доходов» [Ibid., p. 547].

Между тем патерналистское вмешательство государства не в состоянии остановить падение значения трудовой этики и традиционных семейных ценностей. Более того, оно способствует этому процессу. «В Грантеме и подобных ему городках, – вспоминает Тэтчер, – мы понимали, что имеются семьи, для кормильцев которых наступали тяжелые времена и которым приходилось сталкиваться с большими трудностями, но они никогда не принимали милостыни даже от государства, стремясь любой ценой сохранять достоинство» [Ibid., p. 546].

Для М. Тэтчер, как и для большинства американских консерваторов, система государственного вспомоществования, ассоциирующаяся с велфэром, означает «культуру зависимости». По Тэтчер, ее «ужасный парадокс заключался в том, что и она предлагала людям довольно серьезные финансовые импульсы, чтобы они жили в лености, нищете и отчаянии» [Ibid., p. 560].

Внешнеполитические позиции М. Тэтчер нередко оказывались более американскими, чем у самих американцев. Первым из принципов консервативной внешней политики она считала «сильную оборону» [Ibid., p. 531]. Важной задачей этой политики должно быть «продвижение свободы, демократии и прав человека во всем мире» [Ibid., p. 527]. Чтобы в мире была обеспечена коллективная безопасность, полагала Тэтчер, «Америка должна оставаться единственной сверхдержавой» [Ibid., p. 518]. «Мы всегда признавали лидерство США жизненно необходимым», – утверждала она, говоря о принципах тэтчеризма [Thatcher, 1992].

Однако это не означает, что Тэтчер была готова поступиться национальными интересами Британии, когда возникали коллизии в отношениях с Рейганом. Свидетельством тому может послужить, в частности, ее твердая позиция во время Фолклендского конфликта. Были и другие эпизоды, которые дали повод некоторым авторам подвергнуть сомнению доверительность отношений двух лидеров. Нет оснований гиперболизировать остроту противоречий между британским премьер-министром и американским президентом, которые всегда находили пути к их взаимоприемлемому преодолению. Скорее всего это служит свидетельством того, насколько серьезно воспринимали они национальные интересы своих стран.

Не менее трепетно, чем американские консерваторы, Тэтчер относится к национальной идентичности. «Попытки подавить национальные различия или амальгамировать нации с разными традициями в искусственных государствах скорее всего обречены на провал, возможно, кровавый», – писала она в своей книге об искусстве управления государством [Thatcher, 2002b, p. XXII]. «Мудрый государственный деятель, – утверждает Тэтчер, – будет приветствовать национальную государственность и опираться на нее» [Ibidem]. «Для консерватора, – пишет она в мемуарах, – нация (подобно семье), конечно, является фундаментальной и позитивной ценностью» [Thatcher, 1995, p. 522].

Вместе практически со всеми течениями заокеанских консерваторов Тэтчер признает теорию американской исключительности [Thatcher, 1996]. Ее внешнеполитические позиции были ближе всего к неоконсервативным. Ее подходы к трудовой этике, религии, семейным ценностям, иммиграции во многом совпадали с принципами социальных консерваторов. Близки ей были и традиционалисты. Небезынтересно отметить, что один из идейных лидеров традиционалистов, У. Бакли-младший, еще в 1979 г. приветствовал приход Тэтчер к власти в колонке редактируемого им «Нэшнл ревю», которая была озаглавлена «Margaret Is My Darling» [Edwards et al., 2010, p. 134].

Пиетет к соратнице Рейгана по-прежнему сохраняется у американских консерваторов, особенно правых. Показательна, например, корреспонденция в «Таймс» Т. Болдуина в феврале 2006 г., вскоре после избрания Д. Кэмерона лидером британских консерваторов. «В Британии, – пишет автор, – тори могут стараться избегать тени баронессы Тэтчер. Но в Соединенных Штатах каждый правый консерватор... все еще стремится погреться в лучах ее славы». Здесь же приводятся слова старшего сотрудника «Тэтчеровского Центра» в Вашингтоне Дж. Халсона о том, что для американских консерваторов после смерти Рейгана значение леди Тэтчер как «тотемической фигуры свободы» только возросло» [Baldwin, 2006]. Если в Британии фонд Тэтчер страдает от финансовых трудностей, то в Вашингтоне правоконсервативный «Фонд наследия» выделил для «Тэтчеровского центра» 3 млн. долларов. Причем это был только один из серии вкладов, предложенных почитателями «железной леди». «Баронесса Тэтчер, подобно старому Лондонскому мосту, – нежеланный осколок британского наследия, для которого нашелся храм в Америке», – таково заключение журналиста из «Таймс» [Ibid.].

Для американских консерваторов, прежде всего правого толка, М. Тэтчер остается воплощением подлинного консерватизма. Во время президентской кампании 2008 г. казалось, что появи-

лась американская инкарнация «железной леди» в образе губернатора Аляски С. Пэйлин, напарницы Дж. Маккейна. На страницах лондонской «Таймс» даже была опубликована статья под заголовком «Маргарет Тэтчер из Аляски». «Это – Маргарет Тэтчер из Аляски», – прокомментировала этот факт сама «железная леди» [Thatcher, 2008].

В книге «Америка в сердце» С. Пэйлин вспоминает о своем первом впечатлении о британском премьер-министре: «Я помню, как впервые слушала речь миссис Тэтчер, когда я училась в школе. Я была поражена. Я редко слышала политика, – и никогда женщину – говорившего с такой убежденностью и с такой смелостью». Далее она пишет: «Я высоко ценю пример Тэтчер и всегда буду считать ее одной из моих ролевых моделей... И конечно, не только я одна. Рональд Рейган считал Тэтчер своим ближайшим европейским союзником». И именно Тэтчер сказала Дж. Бушу-старшему: «Не будьте теперь слабаком, Джордж» [Palin, 2010]. Правда, сама Сара Пэйлин под жестким прессингом либеральных СМИ не смогла удержаться на авансцене американской политики, хотя и продолжает борьбу против администрации Обамы.

На авторитет Тэтчер американские консерваторы ссылаются в ходе президентской кампании 2012 г. Основная аргументация консервативных претендентов на Белый Дом в значительной степени соответствует принципам тэтчеризма. Это наглядно проявилось в приуроченной к президентской гонке 2012 г. книге одного из ее активных участников, бывшего спикера американского Конгресса Н. Гингрича [Gingrich, 2011]. Близостью к тэтчеризму отличались и позиции Р. Санторума. И, хотя победителем гонки стал сравнительно умеренный М. Ромни, он немало позаимствовал у своих более правых конкурентов.

Несмотря на типологическую неоднородность, довольно острые внутренние противоречия между разными течениями, американский консерватизм, по словам известного публициста Дж. О'Салливана, «остаётся сильным и фундаментально здоровым». И все же он нуждается в лидере, который мог бы консолидировать его ряды и был бы способен убедить американский народ в справедливости консервативных принципов и эффективности программы консерваторов. Однако, сожалеет О'Салливан, «такого лидера легче описать, нежели найти. Рейганы и Тэтчер не растут на деревьях» [O'Sullivan, 2012].

Американский консерватизм заметно усилился после поражения 2008 г. благодаря возникшему в начале 2009 г. «Движению чаепития», которое теперь чаще именуется «Партией чая». Названием своим оно обязано знаменитому «Бостонскому чаепитию» 1773 г. Его организаторы стремились тем самым подчеркнуть связь с исторической традицией. Сторонников этого движения именуют консервативными популистами. Их, как отмечает американский политолог Л. Харрис, «более всего раздражает убежденность в том, что Америка теряет свою историческую уникальность, быстро становится похожей на европейские страны» [Harris, 2010].

При поддержке этой политической силы консерваторы добились немалого успеха на выборах в Конгресс 2010 г. Консервативный публицист М. Континетти, автор книги о преследовании С. Пэйлин либеральными СМИ, объясняет удачный дебют «партии чая» ее программой. В ней классический либерализм сочетается с обращением к традициям «отцов-основателей» и особенно с упором на такие добродетели, как бережливость, уверенность в собственных силах, благочестие, прилежание. Причем религиозным и социальным ценностям отдается приоритет над чисто экономическими [Continetti, 2012]. Такой подход явно пришелся бы по душе юной Маргарет Робертс и зрелой Маргарет Тэтчер. Это вполне в духе среднеклассового консерватизма обитателей Грантема.

В современных консервативных популистах Л. Харрис видит наследников «духа фронта», который формировал особый тип людей. Это были *selfmade men*, которым было свойственно стремление к независимости. Их, по словам Харриса, «раздражают те, кто в силу более высокого IQ или наследственного статуса хотели бы их наставлять... Им чужды абстрактные доктрины равенства, и они слишком горды, чтобы быть завистливыми» [Ibid., p. 142].

Чтобы уловить сходство М. Тэтчер с людьми этого типа, достаточно и невооруженного глаза. С первых же своих шагов во власти она дала понять, в чем состоит основная цель ее правления: «Экономика – это только метод, а цель – изменения в сердцах и душах» [Sundy Times, 1981, May 3]. Затем она пояснила: «Я пришла к власти с одним четким намерением: изменить Британию. Превратить ее из общества иждивенческого в самостоятельное» [Огден, 1992, с. 513]. Благодаря тэтчеризму Британия перестала быть «большим человеком Европы». Но цель добиться изменения общественного сознания в социал-демократизированной стране оказалась для нее недостижимой. Опыт

тэтчеризма свидетельствует о том, что консерватизм американского типа не может прижиться даже на почве страны, принадлежащей к «англосфере», не говоря уже о других странах Европы.

Британские консерваторы гораздо ближе к европейским, чем к американским собратьям. Одной из причин бунта против Тэтчер была ее довольно жесткая позиция по отношению к европейской интеграции. Под руководством Д. Кэмерона британские консерваторы, несмотря на эпизодически прорывающуюся антиевропейскую риторику, приблизились к Европе. Еще накануне прихода консерваторов к власти в мае 2010 г. аналитик из германского либерального еженедельника «Цайт» П. Шварц называл Кэмерона «собратом по духу Меркель», а британские тори, по его словам, «не что иное, как подобие ХДС» [Die Zeit, 2010, № 11].

С тех пор эволюция консервативной партии многократно подтверждала правоту подобных суждений. Не случайно на страницах «Нэшнл ревю» весной 2012 г. появился призыв Дж. О'Салливана: «Американским консерваторам следует остерегаться примера Кэмерона» [O'Sullivan, 2012].

Для западноевропейского консерватизма уже давно характерно преобладание либерально-консервативных и правоцентристских тенденций. Правый фланг консерватизма оказывается слабым. В правой части партийно-политического спектра возникает ниша, которую стремятся заполнить и часто заполняют правые радикалы. Им удалось добиться успеха в традиционных цитаделях демократии, прежде всего в Швейцарии и Голландии. Правые радикалы стали весомым фактором во французской политике, в скандинавских странах, не застрахована от этого и Великобритания.

Библиографический список

- Громыко А. А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007.
- Огден К. Маргарет Тэтчер: Женщина у власти. М., 1992.
- Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996.
- Попов В. И. Маргарет Тэтчер: Человек и политик. М., 1993.
- Тьерпо Ж. Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010.
- Boldwin T. Overlooked Back Home, Thatcher's Legacy Seeks Haven in the US. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/110686>
- Dahrendorf R. Changing Social Values under Mrs. Thatcher // Thatcherism. London, 1988.
- Continetti M. A Movement Explained. What does the Tea Party mean? // The Weekly Standard, 2012, 2 Apr., vol. 17, № 28 // Source [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weeklystandard.com/articles/movement-explained-634410.html>
- Die Zeit. 2010. № 11.
- Edwards L., William F., Buckley Jr. The Maker of a Movement. Wilmington; Delaware, 2010.
- Gingrich N. A Nation Like No Other. Why American Exceptionalism Matters. Washington, 2011.
- Harris L. The Next American Civil War. The Populist Revolt against the Liberal Elite. New York. 2010.
- Kavanagh D. Thatcherism and British Politics. Oxford, 1987.
- O'Sullivan J. Conservative Models. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalreview.com/articles/293378/conservative-models-john-osullivan>
- Palin S. America by Heart: Reflections on Family, Faith and Flag. New York, 2010.
- Reagan R. An American Life. New York, 1990.
- Scherman A. Paradoxes of Power: Reflections on the Thatcher Interlude. London, 2005.
- Sunday Times. 1981. 3 May.
- Thatcher M. Remarks opening new wing of Churchill Archives Centre. 2002a [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/109441>
- Thatcher M. Speech in Korea («The Principles Thatcherism»). 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/108302>
- Thatcher M. Statecraft. Strategies for a Changing World. London, 2002b.
- Thatcher M. The Downing Street Years. London, 1993.
- Thatcher M. The James Bryce Lecture («Reason and Religion: The Moral Foundations of Freedom»). 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margarethatcher.org/document/108364>
- Thatcher M. The Path to Power. London, 1995
- Thatcher M. Speech on President Reagan's 83rd birthday. 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/108327>

Thatcher M. «This is Alaska's Margaret Thatcher». 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/111354>

US Dismissed Margaret Thatcher as suburban matron who would never win Pover // The Times. 2007. 28 Oct. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/111070>

Wheatcroft G. The Strange Death of Tory England. London, 2005.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.07.2012

MARGARET THATCHER AND AMERICAN CONSERVATISM

P. Yu. Rakhshmir

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
modhist@yandex.ru

The article is devoted to the issue of Thatcherism genetic peculiarities identification in the context of modern conservatism national types. Theoretical backgrounds and practices of Thatcherism enable the author not only to fit Margaret Thatcher period into the history of British conservatism and neoconservatism of 1970–1980, but also to trace the implementation of Iron Lady's ideas in the policies of modern British and American conservatists. The importance of the analysis of the connections between Thatcherism and American conservatism is determined by several factors: considerable difference between Thatcher's policy and the policy of most of her predecessors and successors from Conservative Party of Great Britain; closeness between British Prime Minister's activities and the events taken place in the USA at the time of Ronald Reagan presidency; more importantly, ideological closeness of Thatcher's ideas to modern American right wing conservatists, so called, Conservative populists. The latter was particularly close to Thatcher in their faithfulness to the economic aspects of Classical Liberalism with its welfare refusal, propagating religious and social values among common people and also belief in nation as the fundamental element of political process. At the same time the analysis of the activities of British Conservatists led by the Prime Minister David Cameron brought to the conclusion that modern Conservative Party of Great Britain follows European type of Conservatism with the prevalence of centrist ideas and weak right wind which is under threat coming from radical-minded political groups.

Key words: M. Thatcher, Thatcherism, British Conservatism, Conservative Party of Great Britain, American Conservatism.

References

Continetti M. A Movement Explained. What does the Tea Party mean? //The Weekly Standard, 2012, 2 April, vol. 17, № 28 // Source [e-resource]. URL: <http://www.weeklystandard.com/articles/movement-explained-634410.html>

Dahrendorf R. Changing Social Values under Mrs. Thatcher // Thatcherism. London, 1988.

Die Zeit. 2010. № 11.

Edwards L., William F., Buckley Jr. The Maker of a Movement. Wilmington, Delaware, 2010.

Gingrich N. A Nation Like No Other. Why American Exceptionalism Matters. Washington, 2011.

Gromyko A. A. Modernizatsiya partiinoy sistemy Velikobritanii. Moscow, 2007.

Harris L. The Next American Civil War. The Populist Revolt against the Liberal Elite. New York. 2010.

Kavanagh D. Thatcherism and British Politics. Oxford, 1987.

O'Sullivan J. Conservative Models. 2012 [e-resource]. URL: <http://www.nationalreview.com/articles/293378/conservative-models-john-osullivan>

Ogden K. Margaret Thatcher. Zhenshchina u vlasti. Moscow, 1992.

Palin S. America by Heart: Reflections on Family, Faith and Flag. New York, 2010.

Peregudov S. P. Thatcher i tetcherizm. Moscow, 1996.

Popov V. I. Margaret Thatcher. Chelovek i politik. Moscow, 1993.

Reagan R. An American Life. New York, 1990.

Scherman A. Paradoxes of Power: Reflections on the Thatcher Interlude. London, 2005.

Sunday Times. 1981. 3 May.

T'erio Zh. L. Margaret Thatcher. Ot bakaleinoy lavki do palaty lordov. Moscow, 2010.

The website of the Margaret Thatcher Foundation [e-resource]. URL: <http://www.margaretthatcher.org>

Thatcher M. Statecraft. Strategies for a Changing World. London, 2002b.

Thatcher M. The Downing Street Years. London, 1993.

Thatcher M. The James Bryce Lecture («Reason and Religion: The Moral Foundations of Freedom»). 1996 [e-resource]. URL: <http://www.margarethatcher.org/document/108364>

Thatcher M. The Path to Power. London, 1995

Wheatcroft G. The Strange Death of Tory England. London, 2005.